

ЧУЖОЕ ПОЛУШАРИЕ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Чужое полушарие / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-165136-7

1962 год. В ответ на стремление США уничтожить революционный режим на Кубе СССР оперативно размещает там ракеты с ядерными боеголовками. Назрел Карибский кризис, мир оказался на пороге новой войны. Советские спецслужбы получили сигнал о готовящейся провокации. Якобы угнанный кубинцами самолет должен обстрелять американскую базу Гуантанамо, расположенную на острове, это даст повод США начать военную интервенцию против Кубы. Предотвратить угрозу поручено группе спецназа КГБ «Дон» Вячеслава Богданова. Бойцы тайно прибывают на остров, понимая, что от их миссии сейчас зависит судьба миллионов людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165136-7

© Тамоников А.А., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

*США, Вашингтон,
4 апреля 1961 года*

Ричард М. Бисселл сидел в личном кабинете резиденции директора Центрального разведывательного управления. За пять часов ожидания массивное кресло хозяина из комфортной мебели превратилось в электрический стул, через который с минуты на минуту пропустят заряд тока. Сегодня должна была решиться судьба его детища, многомесячного плана операции по свержению кубинского правительства, настроенного нелояльно к правительству Штатов.

Разработка проекта велась с января 1960 года и началась еще при президенте Эйзенхауэре. Вот с кем было приятно работать! Штабной офицер понимал толк в тактике и стратегии. И пусть злые языки судачили за спиной о том, как бывший президент «лично расстрелял безоружных ветеранов Первой мировой», в глазах Бисселла это не умаляло заслуг Дуайта Эйзенхауэра. Он,

а не кто-то другой еще в марте 1960 года одобрил план свержения кубинского правительства. Он распорядился выделить на эту операцию тринадцать миллионов долларов и разрешил использовать имущество и персонал Министерства обороны США. Его требование, чтобы «рука Америки не была видна», каким бы ни был окончательный план, казалось Бисселлу вполне разумным. Как и нежелание вдаваться в детали, чтобы в случае неудачи он мог с легкостью заявить о своей непричастности к проваленной операции.

Но! Эйзенхауэра сменил Кеннеди, а план операции так и остался нереализованным. И как это бывает, с новым президентом пришлось начинать все сначала. Только на этот раз у директора ЦРУ, как и у самого Бисселла, уже не было столько свободы. Джон Кеннеди тут же привлек к обсуждению планов военных и еще кучу народа. Он осторожничал с самого начала, а когда Томас Манн, извечный оппонент Бисселла в вопросах кубинского направления, намекнул на то, что, в конце концов, президенту придется пойти на прямое военное вмешательство в дела Кубы, Кеннеди и вовсе сдулся.

Сколько усилий пришлось приложить им с Даллесом, чтобы действующий президент не сложил руки и не отдал на откуп Кубе все то, что они получили при правлении Батисты! Сколько раз пришлось переписывать, переделывать и подгонять

под новые стандарты план операции! И вот накануне вечером Даллес позвонил Бисселлу и сообщил, что обсуждение плана назначено на утро 4 апреля.

Если бы не предвыборная кампания, в которой Кеннеди открыто занял позицию конфронтации с Кастро, он, скорее всего, вообще отменил бы операцию по свержению кастровского правительства. Но! Слово сказано, и от этого факта так легко не отмахнешься. Народ помнил, как яростно Кеннеди нападал на Эйзенхауэра за то, что тот допустил «развиться коммунистической угрозе всего в 90 милях от берегов Америки». Именно эта позиция дала Кеннеди нужное количество голосов на выборах, и теперь ему приходилось с этими головами считаться.

Он не говорил прямо: нет, Куба меня больше не интересует, он просто тянул время, считая, что если проблемой не заниматься, она рассосется сама собой. Из раза в раз на очередном совещании он твердил о том, что предпочел бы постепенно наращивать партизанскую войну до тех пор, пока кубинское ополчение самостоятельно не свергнет правительство. И как они с Алленом Даллесом ни убеждали президента, что подобный ход неприемлем, Кеннеди уступить не спешил.

Надо отдать должное директору Даллесу: когда нужно, он умеет настоять на своем. Нынешняя

встреча — полностью его заслуга, только вот добьется ли он желаемого результата? Нервы Бисселла были натянуты до предела. Ему казалось, что в кабинете он провел уже не часы, а недели или даже месяцы. И вот, когда ждать больше не осталось сил, дверь распахнулась и на пороге появился хозяин кабинета.

— Свершилось! — Даллес остановился в дверях. — Ричард! Видел бы ты эту встречу! Слышал бы ты эти речи!

Бисселл вскочил с кресла, сделал два шага навстречу и протянул руку.

— Я должен это видеть, — негромко произнес он.

— Что, не терпится? — Даллес хохотнул. — Понимаю. Самому с трудом верится, что он это сделал. Да расслабься, говорю же: план «Запата» подписан, утвержден и изменениям не подлежит. Активная фаза реализации начинается немедленно.

— Все равно я должен это увидеть, — настаивал Бисселл.

— Ладно, смотри, — Даллес закрыл за собой дверь, прошел к столу и выложил перед Бисселлом долгожданный документ.

— До последнего не был уверен, что он на это решится, — рассматривая штамп на титульном ли-

сте многостраничного документа, произнес Бисселл.

— Он и не решился, — Даллес рассмеялся. — Снова начал твердить свое: я бы предпочел видеть силы вторжения не более 200–250 человек, и лучше бы обойтись группами кубинских эмигрантов, но я пустил в ход все свое красноречие и добился того, что он дал добро на использование «Бригады 2506» в полном составе, да еще выбил поддержку флота. Так что с сегодняшнего дня у нас с тобой масса работы.

— Что с «фазой два»? — задал вопрос Бисселл.

— Ты же знаешь, планировать то, что случится после высадки десанта, — дело неблагодарное. В тайных операциях практически невозможно предугадать исход.

— Если десант продержится хотя бы несколько дней, он сумеет продержаться и месяцы. Кастро не сможет отбить плацдарм, наши ВВС будут контролировать небо. Бомбардировки без перерыва — вот что будет.

— А пока все на острове полыхает, много чего может произойти. В том числе и в нашу пользу, — поддержал Даллес. — Все это мне известно, как и то, что кое-кто делает ставку на молодежь, которая поднимется и пойдет на Гавану.

— Я предпочитаю вариант с признанием временного правительства и прямой военной поддержкой со стороны США.

— Этот вопрос тоже обсуждался, — заметил Даллес.

— И каков ответ?

— Категоричное «нет».

— Пока «нет», — протянул Бисселл и усмехнулся. — Если вдруг по какой-то причине операция начнет развиваться не так, как хотелось бы, Кеннеди встанет перед выбором: провал операции или прямое военное вмешательство.

— И ты уверен, что он выберет последнее?

— У него просто не останется выбора, — уверенно заявил Бисселл.

— Беседа закончилась тем, что мне снова пришлось заливать президенту про то, как в случае неудачи у десанта будет возможность перейти к партизанской борьбе, так что полного провала быть не может.

— Какая чушь! Этот вариант мы даже не обсуждали, — фыркнул Бисселл.

— Зато президента он успокоил, а нам принес долгожданный результат, — Даллес прихлопнул ладонью вожделенный документ.

Бисселл сел за стол и принялся перелистывать страницы. Ему не требовалось освежать в памяти отдельные моменты операции, просто было при-

ятно смотреть на свое детище, после того как его выпустили в жизнь.

— Не понимаю, почему он так долго медлил? — задумчиво произнес он после паузы. — Ведь о подготовке операции его известили еще в период предвыборной кампании, и тогда он не высказался против.

— В то время он одобрил бы любую операцию, — Даллес невесело улыбнулся. — Предложи ты ему тогда бомбить Москву, он и на это был бы согласен, а после вступления в должность снова делал бы вид, что подобной операции не существует. Очень удобно.

— Насколько я помню, президент Эйзенхауэр тоже был за полную секретность, — напомнил Бисселл. — «Каждый должен быть готов поклясться, что ничего не слышал об этой операции» — это ведь его слова.

— Одно дело для мировой общественности, и совсем другое дело для людей посвященных. Мы с тобой, Бисселл, люди посвященные. Я директор ЦРУ, ты — мой заместитель по планированию, поэтому играть перед нами роль невинного дитя не слишком умно.

— И все же мы хорошо потрудились, — заметил Бисселл.

— Да, Ричард, мы хорошо поработали. Ты хорошо поработал, — произнес Даллес и неожи-

данно добавил, проявив небывалую откровенность: — За время подготовки плана я ни разу не пожалел, что дал тебе полную свободу действий в оперативных вопросах.

После его откровения они какое-то время молчали. Каждый вспоминал о том, как все начиналось. Первым шагом был сбор кубинцев, бежавших от режима Кастро, и организация их подготовки. Всех, кто после победы Кастро эмигрировал в США или в страны Латинской Америки, в короткий срок обработали агенты ЦРУ.

Первая оперативная группа в Майами насчитывала всего десять человек. Они хорошо знали страну, так как в свое время работали и жили на Кубе. Их вооружили, организовали и обозначили ближайшие задачи. Спустя короткое время их стало в четыре раза больше.

Затем в дело вступил Вашингтон со своим меморандумом «Ответственность кубинского правительства за увеличение международной напряженности в Западном полушарии». Этот шедевр разработали не без помощи ЦРУ. Меморандум сработал. По всей Латинской Америке начали возникать военные лагеря для подготовки кубинских наемников. Аэродромы Гватемалы и Никарагуа открыли для ЦРУ свои ворота.

Потом пришло время для сплочения политических противников Кастро. И вот результат: созда-

ние Демократического революционного фронта. К ноябрю 1960 года США перешли к очередному этапу: под предлогом защиты Никарагуа и Гватемалы от возможного нападения Кубы к кубинскому побережью отправили группу военных кораблей ВМС США. Мало кто знал, что этот рейд был подготовкой к предстоящей операции по свержению правительства Кубы.

Этот рейд не остался незамеченным. Министр иностранных дел Кубы Рауль Кастро на заседании Совета Безопасности ООН заявил о том, что американские спецслужбы готовят вооруженное вторжение на остров Свободы. Впрочем, особого резонанса выступление не получило, а подготовка шла своим ходом. В марте 1961 года ЦРУ сформировало из кубинских эмигрантов будущее правительство страны, так называемый кубинский революционный совет.

И вот, наконец, апогей подготовки: план «Запата». По плану операция должна была начаться 17 апреля. Главная ее часть, разумеется. Корабли с десантом под флагом Либерии подходят к берегам Кубы. Высадка «Бригады 2506», тщательно собранной из кубинских эмигрантов, чтобы замаскировать участие в операции Соединенных Штатов, должна произойти в малонаселенном районе бухты Кочинос. Десантироваться ночью, предварительно отправив в район Орьенте группу из 168

человек для организации отвлекающей десантной высадки. Нино Диас, командир отряда, должен был имитировать десантирование крупных сил, со взрывами и стрельбой. Но самое главное — это бомбовые удары шестнадцати самолетов В-26. ВВС Кубы должны быть уничтожены до того, как начнется высадка основного десанта.

Все эти действия должны привести к тому, что находящиеся на Кубе противники Фиделя Кастро активизируются и завершат то, что начнет десантная группа, а именно — свергнет «красное» правительство Кастро. И США снова смогут пользоваться благами, которые несет в себе остров Свободы. Отличный план! Продуман до мелочей, сомнений в удачном исходе просто не может быть. Так считал директор ЦРУ Аллен Даллес, так считал его заместитель по планированию Ричард М. Бисселл. Так должны были считать все.

*Куба, Гавана, 16 апреля 1961 года, здание
Генерального штаба нового правительства*

— Сообщение из провинции Орьенте.

— Не сейчас, Рауль.

— Я жду уже два часа, брат, неужели ты настолько занят, что не можешь уделить и десяти минут, чтобы выслушать новости?

— Новости хорошие?

— Ни хорошие, ни плохие. Это слова благодарности кубинского народа.

— Тогда зачем тратить на них время?

— Ты не прав, Фидель. Народным мнением пренебрегать нельзя. Что с тобой? Откуда хандра?

Разговор между двумя братьями, Раулем и Фиделем Кастро, происходил на закате в ночь с 16 на 17 апреля, в год, когда власти США от тайной антикубинской деятельности перешли к открытой интервенции. Был он не первым и не последним. Зачинщиком разговора всегда выступал младший, Рауль, Фидель же предпочитал оставлять смущающие его темы без огласки. Таковых было немного, вернее, всего одна. Камнем преткновения служили отношения Кубы и Соединенных Штатов.

«Разве мало нам было Батисты? Разве не достаточно претерпел от него кубинский народ, чтобы терпеть пивяку-Америку у себя на теле? Сколько горя принесли кубинскому народу годы симбиоза между Батистой и американским правительством! Голод и нищета, безработица и деградация. И все это на фоне богатеющих и жиреющих американских мафиози! Когда же Куба заживет свободно? Сможем ли мы добиться этого? Смогу ли я добиться этого?»

Такие мысли одолевали Фиделя на протяжении нескольких месяцев после того, как 1 января 1959 года революционное движение под его ру-

ководством свергло правление Батисты и взяло власть на Кубе в свои руки.

Фульхенсио Батисту Фидель, патриот своей страны и ярый защитник кубинского народа, ненавидел всеми фибрами души. За что? В двух словах не скажешь. За то, что тот изначально, еще до того, как получил официальный пост президента Кубы, будучи правителем острова Свободы де-факто, насадил в стране проамериканский режим, открыл на Кубу доступ американской мафии и нещадно, на физическом уровне, устранял политических противников. Сам Фидель этого не помнил, в то время он был слишком мал, но его ненависти это не умаляло, так как второе правление Батисты, когда он силой отнял власть у достойного человека, Фидель встретил в зрелом возрасте, и к этому времени диктатор Фульхенсио лучше и добрее не стал. Для своего народа, разумеется.

Для американских правителей приход к власти Батисты оказался подарком судьбы. Не зря президент США Гарри Трумэн оказался одним из первых, кто признал власть Батисты законной, ведь он знал, что, заняв пост, Батиста продолжит насаждать политику проамериканского режима.

И Батиста расстарался! Он дал «зеленый свет» для организации крупномасштабных азартных игр в Гаване. По сути, город превратился в латиноамериканский Лас-Вегас, американская мафия

стала контролировать весь туристический и развлекательный бизнес в стране. Следом на Кубе появились банды мафиози. Они похищали девушек и принуждали их к занятию проституцией. Проституция процветала, количество публичных домов перевалило за восемь тысяч. Об условиях содержания девушек никто не задумывался, они были настолько ужасны, что редко кому из девушек удавалось прожить там больше пяти-семи лет.

Проституция — лишь малая часть того, что во времена правления Батисты контролировали американские монополии. Горнодобывающая промышленность, электрические и телефонные компании, коммунальные предприятия, производство сахара-сырца — все это на девяносто процентов принадлежало американцам. Подобная ситуация складывалась и с кубинскими землями: в подавляющем большинстве они принадлежали латифундистам, большая же часть крестьянских семей земли вообще не имели, отчего почти девяносто процентов земель оказались заброшенными. Безработица на Кубе в период правления Батисты достигла небывалых сорока процентов.

Сам же Батиста жил припеваючи: получая от мафии миллионные взятки и дорогостоящие подношения, вроде позолоченного телефона, он чувствовал себя недосыгаемым для революционно настроенных масс.

Мог ли такое стерпеть Фидель? Мог ли простить? Конечно, нет! Целью своей жизни он поставил свержение правления Батисты. Он шел к этому долго и упорно, путь его не был ни легким, ни безоблачным. Но он продолжал идти, продолжал работать, строить и осуществлять планы и в итоге добился своего. Батиста трусливо бежал, а он, Фидель Кастро, лидер кубинского революционного движения, остался, чтобы восстанавливать разоренную, но несломленную Кубу.

— Никакой хандры. Напротив, все отлично. Орьенте... Приятные воспоминания, не так ли, брат? — Фидель слегка улыбнулся.

— Какие именно?

— Декабрь 1956 года. Или не помнишь?

Уточнял Рауль не просто так. С провинцией Орьенте было связано немало воспоминаний и для революции, и лично для братьев, ведь родом они были как раз из Орьенте. Воспоминаний братьям хватало — и приятных, и не слишком, но сейчас Фидель вспоминал день, когда к берегам Кубы причалила яхта «Гранма». На борту находились восемьдесят душ революционеров во главе с Фиделем Кастро, вдохновителем освобождения Кубы. В провинции Орьенте они высадились, имея четкий план. Ближайшей целью было объединение с кубинскими революционными группами.

Та высадка была обречена на провал и ничем хорошим закончиться не могла в принципе. Казалось бы, после неудачи в 1953 году, когда Фидель со своими сторонниками пытался захватить военные казармы, а вместо этого загремел в тюрьму, ему следовало научиться воздерживаться от необдуманных поступков. Быть может, он так бы и поступил, но кто тогда спасет его земляков, жителей острова Свободы? Или им всю жизнь придется существовать под чьим-то игмом? Нет! Уж лучше рискнуть и все потерять, чем не попытаться и прийти к тому же результату.

Операция с использованием яхты «Гранма» себя оправдала, хоть и казалась изначально совершенной авантюрой. Восьмиметровое судно Фидель и его сторонники купили у американцев за пятьдесят тысяч мексиканских песо. Легкое дизельное судно было построено в 1943 году. Не сказать что древнее, скорее просто не предназначенное для тех целей, для которых его приобрели члены «Движения 26 июля».

В конце ноября 1956 года до предела перегруженная яхта отчалила из мексиканского порта Туспан и ушла на Кубу. Яхта, рассчитанная максимум на двенадцать человек, везла к берегам острова Свободы восемьдесят повстанцев. На острове их прикрывал Франк Паис, убежденный революционер и верный друг Кастро. Он должен

был организовать восстания сразу в нескольких кубинских городах, чтобы отвлечь внимание военных и правительства Батисты от высадки бойцов «Движения».

Он и организовал, только не слишком удачно. Впрочем, не только у него все пошло не так, как задумывалось.

Сначала Кастро чуть не потерял лоцмана, который в кромешной темноте свалился за борт, затем за ними начали охоту катера Батисты. Затем их яхта «Гранма» попала в мангровое болото и села на мель, и людям Кастро пришлось пробираться через густые заросли. С кубинскими революционерами в тот раз объединиться так и не удалось, в первом же бою с правительственными войсками отряд потерял больше восьмидесяти процентов личного состава, и все же двенадцать смельчаков сумели добраться до гор Сьерра-Маэстра. Двенадцать человек, а каков результат!

— Как я могу забыть? Если бы тогда нам не удалось добраться до гор и организовать повстанческую армию, сейчас мы не обсуждали бы вопрос: что делать с американским десантом, — Рауль говорил медленно, как всегда, когда сам уходил от своей темы.

— Ладно, выкладывай, — сдался Фидель.

Тема десанта его волновала гораздо сильнее, но он решил, что пара-тройка минут на ситуацию

не повлияют. Пусть брат выскажет то, что ему приятно, а уж потом можно будет перейти к серьезным делам.

— Твое выступление на митинге высоко оценили родственники погибших. Три делегации приходили в штаб, чтобы лично передать слова благодарности революционному лидеру. И сообщить, что всецело разделяют твое мнение об американском президенте.

В этот день Фидель Кастро выступал на центральной площади Гаваны, где собрался митинг по случаю похорон жертв бомбардировок. В своем выступлении Фидель, не стесняясь в выражениях, прошелся по личности президента США Джона Кеннеди, открытым текстом назвав его лжецом. Впрочем, слова Фиделя соответствовали действительности. Как еще назвать человека, который распространяет в СМИ полнейшую чушь, выдавая ее за правду?

Утром 14 апреля над Кубой появился американский самолет-разведчик У-2. Его целью было обнаружение военных самолетов кубинских ВВС. Вторжение на Кубу правительство США планировало долго и тщательно и первостепенной задачей ставило уничтожение военно-воздушных сил. Как ни старались американские разведслужбы засекретить свои планы, кубинскому правительству стало о них известно заблаговременно, поэтому

к разведывательной операции они успели подготовиться.

Полету У-2 никто не препятствовал, так как на кубинских аэродромах он видел то, чего на самом деле не было. По завершении полета пилот самолета-разведчика принес добытые сведения о том, что на аэродромах стоят двадцать четыре бомбардировщика, когда на самом деле там находились лишь макеты и вышедшие из строя самолеты.

На следующее утро восемь американских бомбардировщиков В-26 с опознавательными знаками кубинских ВВС взмыли в небо и уничтожили «авиацию» Кубы, как они полагали, полностью. Не успели В-26 вернуться на базу, а телетайп United Press уже беззастенчиво вещал всему миру: «Офицеры Военно-воздушных сил Кубы дезертировали из кубинской армии, предварительно уничтожив большую часть вооружения ВВС. В то время как Кастро пытается убедить общественность в опасности вторжения извне, сами кубинцы бегут из страны, уничтожая все, что связано с правительством, силой захватившим власть».

По счастью, не все журналисты столь легковерны, чтобы верить на слово американскому правительству. Пилот одного из бомбардировщиков, приземлившийся в аэропорту Майами, выступил с заявлением перед прессой. Он преподнес им «утку», состряпанную агентами ЦРУ, о том, как он,

герой кубинского народа, дезертировал из ненавистной армии Фиделя и просит политического убежища. Однако ушлые журналисты обратили внимание на нестыковки: самолет «героя-дезертира» отличался от тех, что состояли на вооружении ВВС Кубы, да и стволы пулеметов бомбардировщика, вопреки красочным рассказам пилота о том, как яростно ему пришлось отбиваться от противника, оставались чистыми. Из них никто и не думал стрелять! В итоге американское правительство оказалось в глубокой луже, обеспечив себе международное осуждение.

И все бы хорошо: американцы считают авиацию Кубы уничтоженной, мировая общественность поймала президента США на лжи, но, к сожалению, без жертв не обошлось. По жертвам бомбардировок и был собран митинг, на котором лидер революционного движения Кубы нелестно отзывался о президенте США. На этом митинге Фидель обратился к народу с призывом поддержать «революцию бедняков», бороться с интервентами до последней капли крови, отдать свою жизнь за свободу, за правду, за независимость. И народ единым духом ответил на призыв, поклявшись защищать социалистическую революцию, творимую ради интересов бедняков! Неудивительно, что воодушевленный призывом своего лидера народ продолжал идти к Фиделю, желая показать, что

никакие жертвы не заставят их отказаться от дела освобождения Кубы.

— Так и должно быть, Рауль. Ради этого мы и говорим речи. И прошу, избавь меня от вдохновенных фраз, — Фидель выставил ладонь вперед в предостерегающем жесте, останавливая слова, готовые сорваться с губ брата. — Меня агитировать не нужно и объяснять важность мнения народа тоже излишне. Тебе поручили передать волю народа — ты передал. На этом и остановимся. Сейчас меня больше волнует обстановка на побережье.

— Пока без изменений, — Рауль нехотя сменил тему.

— «Без изменений» — это как? — Фидель сердился на брата за то, что тот придает слишком большое значение пылким речам, а важное упускает из виду, потому вопрос прозвучал едко.

— Как ты уже знаешь, сегодня в ночь в провинции Орьенте была предпринята попытка высадки американского десанта, — Рауль понимал, что ночные события усилили напряжение, которое и без того было на пределе, и постарался, в отличие от брата, смягчить тон.

Но Фидель примирения в тоне брата не заметил. Он поднялся во весь рост, навис над столом и уперся взглядом в лицо Рауля.

— Как знаешь ты, — с ударением на последнем слове произнес он, — эта попытка потерпела

провал. Наши патрули не дали ни одного шанса американским интервентам вторгнуться на территорию Кубы.

— Ты не дал мне договорить, — Рауль поморщился. — Да, наши патрули сработали четко.

— К тому же мы послали в этот район двенадцать пехотных батальонов, — Фидель снова перебил брата, несмотря на его недовольство.

— И это верно. Думаю, мы поступили дальновидно. По крайней мере, береговой патруль точно доволен полученным подкреплением.

— А теперь корабли так называемых кубинских экспедиционных сил встретились с соединением американских боевых кораблей и следуют в их сопровождении вдоль побережья! — Фидель не дал брату договорить. — И вот это наша наиглавнейшая проблема!

— У меня таких сведений нет, — Рауль растерялся.

— Потому и нет, что ты битых два часа ждешь, когда наступит возможность пропеть дифирамбы моей утренней речи! — Фидель с силой ударил ладонью по столу. — Вот о чем нужно беспокоиться, Рауль! Вот что должно занимать наши умы!

— Прости. Видимо, я действительно перестарался, — Рауль примиряющим жестом похлопал брата по ладони. — Кто принес известие?

— Береговые патрули, разумеется. — Фидель снова сел. — Самое неприятное во всем этом то, что мы не знаем, куда они идут. Где их ждать? Попытка в Орьенте провалилась, но ведь это не единственное место, где можно совершить высадку. Не можем же мы бросать пехотные батальоны из одного района в другой, пока они не пройдут все побережье?

— Думаю, оттуда их можно забирать, раз корабли ушли.

— Возможно, и они так думают. Вернее, планируют. Что, если это отвлекающий маневр? Сейчас идут в направлении от Орьенте, а как стемнеет, повернут обратно. Почему нет? Они тоже могут полагать, что там мы их больше не ждем.

— Так что же делать?

— Самое паршивое, — ответил Фидель и устало потер лицо. — Ждать.

Ожидание затянулось до четверти четвертого утра, а потом время помчалось галопом.

* * *

Бухта Кочинос, в переводе с испанского «залив Свиной», располагалась на южном побережье Кубы, в ста пятидесяти километрах к юго-востоку от Гаваны. Залив славился своими пляжами

с яркими названиями — Красный пляж, Голубой пляж, Зеленый пляж. Мирное место с деревушкой Плайя-Хирон. Обычно мирное...

Ровно в полночь с 16 на 17 апреля кубинский патруль заметил движение в прибрежных водах. «Вот оно! Началось!» — пронеслось в голове сразу нескольких бойцов, несущих вахту на побережье. Под покровом ночи военные корабли с десантом подошли настолько близко, что спутать их с рыбаками было невозможно. Как только патруль навел фары автомобиля на приближающиеся суда, их накрыл шквальный огонь из крупнокалиберных пулеметов.

Несмотря на явный перевес противника, отряд вступил в бой, ожесточенно защищая родную землю от интервентов. Но что могли противопоставить пятеро кубинцев из числа самообороны против обученных пехотных и танковых батальонов и артиллерийской дивизии? Лишь надеяться на то, что выстрелы услышат в деревне. Накануне революционный лидер Фидель Кастро объявил в стране военное положение. Это значило, что нужно повысить бдительность и действовать без промедления.

Услышав шум перестрелки, им на помощь поспешил отряд народной милиции. Но сто человек — капля в море по сравнению с силами интервентов. Удержать лавину не удалось, отряду мили-

ции пришлось отступить. По радиации ушел сигнал: «Сражаемся. Их много, не сможем удержать».

Этот сигнал дошел до Фиделя в три пятнадцать утра. С узла связи примчался посыльный и с порога прокричал:

— Команданте! Перестрелка в заливе Свиной! Отряд народной милиции просит помощи!

«залив Свиной? Почему? Что за выбор?» — это была первая мысль, промелькнувшая в голове кубинского лидера. Он ждал вторжения, ждал с минуты на минуту. Казалось, был готов к этому, но залив Свиной оказался для него полной неожиданностью. А собственно, почему? Местность малонаселенная, особых военных сил там нет, и от основных подразделений находится на приличном расстоянии. Чтобы перебросить в залив более-менее существенные военные силы, придется потратить не один час. Вот на что был расчет американских интервентов!

— Команданте! Отряд...

— Слышал, не ори, Алонсо, — оборвал его Фидель. — Быстро всех ко мне! Стоп! Подробности. Точное место, состав сил и средств противника?

— Не могу знать! — Алонсо вытянулся в струну, понимая, что совершил непростительную ошибку, не задав элементарных вопросов тому, кто мог на них ответить.

— Так свяжись с тем, кто знает! — бросил Фидель и выпроводил посыльного из комнаты.

Сам же лихорадочно размышлял: в течение суток американские корабли, маневрирующие у берегов Кубы, не раз имитировали операцию по подготовке десантирования. Они спускали на воду шлюпки, сажали в них морских пехотинцев в полном боевом снаряжении, грузили орудия и боеприпасы. Такое происходило в провинции Пинар-дель-Рио и в городе Баракоа. Теперь в заливе Свиной... Кто даст гарантии, что то, что происходит сейчас в заливе, не очередной отвлекающий маневр?

И все же он чувствовал, что время пришло. Час пробил, и теперь все зависит от того, насколько быстро он переправит на южное побережье основные силы кубинской армии. Ближайшие части в составе пехотного полка, танкового батальона и артиллерийского дивизиона находились в ста двадцати километрах от места высадки противника, в городе Санта-Клара. На их переброску уйдет несколько часов. Столько бойцам народной милиции не продержаться!

— Алонсо, ты где застрял? Пиши. Срочно! Всем! В район Кочинос отправить отряды народной милиции из районов Крусеса, Сьенфуэгоса, Колона, Агуада-де-Пасахероса, Матансаса, Карденаса и Ховельяноса, а также армейский пехот-

ный батальон в количестве 900 бойцов! Все записал?

— Записал, команданте!

— Так гони, отправляй сообщение. О выполнении доложишь лично.

Пока Фидель решал вопрос с посыльным, в кабинете собралось командование. Обсуждение ситуации в заливе Свиней заняло не больше получаса. Было решено перебросить к месту высадки все имеющиеся войска, так как победа на этом фронте была слишком важна.

На рассвете Фидель прибыл на место. К тому времени он уже знал: на берег десантировалось порядка четырех пехотных батальонов. В состав флотилии входят два десантных и пять грузовых судов, а бомбардировщики ВВС Кубы на подлете и готовы атаковать. Как только Фидель оказался на передовой, по цепи ушло сообщение: «Фидель с нами! Мы победим!» Фидель не собирался оставаться в стороне, взяв на себя командование операцией.

— Главное — уничтожить корабли противника. Лишить его надежды на спасение, — поучал Фидель, наводя орудие на корабль интервентов. — Мы должны утопить их шквалом снарядов, огнем танков. У нас есть силы, у нас есть средства, мы победим!

Две минуты — и десантное судно наемников пошло ко дну, потопленное выстрелом Фи-

деля из башенного орудия. Спустя несколько минут интервентов ждал новый сюрприз. В небе появилась авиация Кубы, «уничтоженная» накануне американцами. Первый заход, и на дно ушли две баржи и два десантных судна. В один миг интервенты лишились пехотного батальона и большей части боеприпасов. Когда транспортный корабль «Хьюстон» был поврежден, остальные корабли и суда спешно отошли от берега. Противник был деморализован! Пути к отступлению для тех, кто десантировался на остров, больше не существовало. Вдалеке маячили американские корабли, два эсминца и два авианосца, но вступать в бой они не спешили, предпочитая оставаться сторонними наблюдателями.

Армия Фиделя вновь получила подкрепление из Санта-Клары. Интервентов начали активно теснить с побережья. К одиннадцати часам десантные суда, уцелевшие после бомбардировки, ушли в открытое море, оставив на произвол судьбы «Бригаду 2506». Кубинские эмигранты поняли, что помощи от американцев им не дожидаться, но все еще сопротивлялись, хотя и не надеялись на успех. Они потеряли и численное превосходство, и элемент внезапности, и большую часть боеприпасов. Но главное — они потеряли поддержку со стороны вдохновителей вторжения, а без этой

поддержки командиры бригады представления не имели, что делать дальше.

В семь тридцать Фиделю доложили:

— Команданте! Над Сан-Блас засекли шесть военно-транспортных самолетов. Готовятся к выброске интервентов!

— Они нам не страшны, — отрезал Фидель. — Отправить туда пехотный батальон из числа прибывших из Санта-Клары. Передайте им: Куба в вас верит!

К полудню продвижение десанта удалось остановить, после чего Фиделю начали поступать донесения одно за другим.

— Команданте! Произведен артобстрел занятой противником прибрежной полосы.

— Команданте! 11-й батальон кубинской армии выбил парашютистов из Соплильяра и начал продвижение на Кайо-Рамону!

— 12-й кубинский батальон при поддержке танков и артиллерии выбил противника из Плайя-Ларгчи.

— К Сан-Бласу подошли армейские части Квадонги и Ягуарамаса.

— Команданте! Силы вторжения блокированы в треугольнике Плайя-Хирон — Кайо-Рамона — Сан-Блас, их продвижение остановлено.

Последнее сообщение пришло к концу дня 18 апреля, через двое суток после начала вторже-

ния. Результатом Фидель остался доволен. Силы сопротивления больше не представляли угрозы, американские ВВС еще пытались нагнать страху, изобразив боевой вылет в районе бухты Кочинос. Фидель понимал, что таким образом они пытаются «воодушевить» эмигрантов, только пользы от их попыток не видел.

Чтобы как-то повлиять на ситуацию, которая вышла из-под контроля, американцы предприняли попытку произвести бомбардировку позиций кубинских войск. Но и эта попытка не увенчалась успехом: кубинские ВВС сбили два из пяти самолетов, остальные в страхе ретировались.

Боевые командиры «Бригады 2506» застроичили радиogramмы на американские корабли: «Спасите нас! Операция провалилась. Продолжать сопротивление бесполезно!» Во второй половине дня 19 апреля американские эсминцы приблизились к побережью, чтобы забрать блокированных на острове бойцов. Но как только они приблизились, кубинская артиллерия открыла огонь. Погибать американцы не собирались. Спустя пару минут они уже уходили обратно в открытое море.

Вот тогда все и закончилось! Четыре пехотных батальона, один танковый батальон и артиллерийский дивизион прекратили сопротивление и сдались кубинскому правительству.

Москва, Кремль, 17 апреля 1961 года

— Что они себе позволяют? Возомнили себя властителями Вселенной! Если так пойдет дальше, то скоро на земном шаре не останется ни одной страны, где не пошарила бы жадная рука американского правительства! Нет! Этого мы не допустим!

В кабинете Первого секретаря ЦК КПСС по стойке «смирно» вытянулся строй разнокалиберных чинов, начиная от министра обороны и заканчивая начальником ПГУ КГБ. В большинстве случаев эмоциональные взрывы главы государства заставляли подчиненных мысленно скрипеть зубами от раздражения, но в этот раз его возмущение разделяли все. Ситуация на Кубе не могла не возмущать. Разведданные по этому государству приходили регулярно еще с 1960 года, но никто не верил в то, что американское правительство пойдет на открытую интервенцию, пусть и завуалированную под восстание кубинских эмигрантов.

Когда в 1960-м в Первое Главное управление пришло донесение о том, что правительство США начало разработку плана по свержению кастровского режима, начальнику ПГУ генерал-майору Сахаровскому было дано задание присмотреться к проблеме и, при необходимости, взять под личный контроль. Что тот и сделал. За два года он не-

однократно докладывал лично Первому секретарю об изменениях ситуации. Агентам нелегальной разведки заблаговременно становилось известно о каждой новой идее директора ЦРУ Аллена Даллеса.

Поддержка кубинской оппозиции, состоящая в бомбардировках экономических целей на Кубе. Саботаж на сахарных заводах. Создание на Кубе разведывательной и подрывной сети. Все это не слишком заботило Первого секретаря, так как он считал их необоснованно самонадеянными. Никита Сергеевич знал то, чего не мог знать американский президент: в глазах народа Кубы не так просто очернить того, кто дал им свободу. Это наивный Дуайт Эйзенхауэр мог полагать, что люди на Кубе спят и видят возвращение кого-то вроде Батисты и насаждение проамериканского режима. Он же, имея личный опыт подобных кастровской революций, точно знал: народ пойдет за Кастро до конца. Партизанские действия и психологическая война не помогут свергнуть правительство Фиделя Кастро, так считал Первый секретарь.

Даже когда Эйзенхауэр выделил немалую сумму на программу по свержению власти Кастро и дал «зеленый свет» на использование людей из Министерства обороны США, Никита Сергеевич не взволновался. Надежный источник доложил, что при всем при этом президентом дана четкая

установка: в непосредственных военных действиях американских военных не использовать. А раз нельзя использовать армию США, то и волноваться не о чем.

Поволноваться Никиту Сергеевича заставили сведения о том, что президент США сменил тактику. Он больше не надеялся на вялотекущую партизанскую войну. Теперь он жаждал высадить на берега Кубы свой десант, включая спецназ США. В октябре 1960 года он даже предпринял подобную попытку, но она не увенчалась успехом, после чего Первый секретарь снова вздохнул свободно, на какое-то время отложив проблему Кубы.

А начальник ПГУ продолжал собирать информацию. Высадка десанта с последующим «народным» восстанием. Временное правительство, которое попросит военной поддержки у «дружественно настроенной Америки». Потом смена правительства и новый аппарат нового президента на какое-то время прервали постоянный приток информации.

На то, чтобы навести мосты и подобраться ближе к кабинету Джона Кеннеди, ушло время. Вот почему сведения о последних событиях пришли с опозданием и были оценены не так, как того заслуживали. Текст меморандума заместителя директора ЦРУ, представленный им Джону Кеннеди 8 февраля 1961 года, Сахаровский получил только в конце марта.

Речи Бисселла о том, как «партизаны смогут пробиться в горы или развернуть широкомасштабную гражданскую войну, в которой американское правительство сможет открыто поддержать противников Кастро», генерал-майор воспринял как что-то несерьезное. К тому же план под кодовым названием «Тринидад» отверг сам Кеннеди, добавив при этом, что хотел бы получить «что-то менее грандиозное».

Новые варианты, предложенные ЦРУ после отбраковки «Тринидада», поступили к Сахаровскому за три дня до начала интервенции американских войск на Кубу. По этой причине и потому, что планов было три, Сахаровский не смог вовремя проинформировать Первого секретаря о том, что ситуация на Кубе изменилась не в лучшую сторону. Когда он пришел с докладом к Никите Сергеевичу, военные самолеты США, раскрашенные под машины кубинских ВВС, уже атаковали аэродромы Фиделя Кастро.

На более свежую информацию рассчитывать не приходилось. Оставалось гадать, какой из планов выбрал президент Кеннеди: уменьшенный вариант «Тринидада» без воздушного десанта и поддержки авиации, высадку на северо-восточном побережье Кубы или операцию в бухте Кочинос. Точный ответ они получили утром 17 апреля, когда с Кубы пришла информация о вторжении против-

ника в заливе Свиней и о том, как обстоят дела на передовой. Информация оказалась неутешительной. Из донесений разведки следовало: кубинцы застигнуты врасплох, больше тысячи противников кастровского режима высадились на побережье и в пух и прах разбили кубинский гарнизон, заставив его отступить в глубь острова. Это известие заставило Первого секретаря метать громы и молнии.

— Тысяча солдат! Тысяча! Куда они только смотрели, ваши хваленые кастровские вояки? И как этот мозгляк решился на подобное? Ведь ты же мне докладывал, что Джон Кеннеди мнетя и менжуетя, на него давят со всех сторон, а он не дает своего согласия на открытое вторжение!

Слова Первого секретаря были обращены к Сахаровскому. Он стоял, вытянувшись по стойке «смирно», и не знал, стоит ли отвечать или будет лучше в данный момент рот не открывать. Но Никиту Сергеевича молчание не устроило.

— Так как ты объяснишь нестыковку? — повторил он вопрос, и Сахаровский понял, что отмолчаться не получится.

— На настоящий момент на острове находятся только кубинские эмигранты из числа тех, кто проходил подготовку на американских базах. Самих американцев на острове нет.

— А американские эсминцы? — продолжал громыхать Хрущев.

— Они в нейтральных водах и, как следует из донесения, поддержку огнем не обеспечивают. Они вообще не участвуют в сражении.

— Наблюдатели, значит? Ну, я покажу этим наблюдателям, что бывает с теми, кто вторгается на территорию социалистических государств! А ты, товарищ генерал-майор, держи меня в курсе. Доклад каждые два часа. А то эти американские СМИ такое пишут, что читать противно. Сам-то читал?

— Так точно, товарищ Первый секретарь.

— А ты всем прочти, пусть послушают, — потребовал Хрущев.

Сахаровский достал из кармана выдержки из текста американских агентств.

— «Антикастровские войска вторглись на Кубу, главный город Сантьяго-де-Куба в руках нападающих. Кастровская милиция, так же как и армия и флот, объединяются с силами вторжения. Остров Пинос взят нападающими. 10 тысяч политических заключенных влились в силы вторжения. Милиция дезертирует. Конец сражения произойдет в течение ближайших часов».

— Ты давай про Кастро читай, — потребовал Первый секретарь.

— «Премьер-министр Фидель Кастро бежал. Его брат Рауль Кастро взят в плен. Генерал Ла-

саро Карденас обратился к мексиканским властям с просьбой предоставить Фиделю право политического убежища», — прочитал Сахаровский.

— Ну и что из всего этого, по-твоему, правда?

— По-моему, нужно дождаться информации от агентов, — осторожно ответил Сахаровский.

— Вот и ждите. А я буду готовить послание этому зарвавшемуся выскочке! Пусть знает, что Советский Союз не позволит ему распоряжаться в чужой стране как у себя дома. Если возникнет необходимость, мы окажем всестороннюю поддержку Фиделю Кастро и кубинскому народу. Мы не допустим, чтобы кубинский народ снова угнетали!

ГЛАВА 2

*Москва, Лубянка,
здание органов госбезопасности,
7 июля 1962 года*

Подполковник госбезопасности Павел Андреевич Семенов поднимался по знакомой лестнице на шестой этаж. Спешить ему было некуда. Встреча с начальством назначена на семнадцать часов, а стрелки едва-едва дошли до двенадцати. «Сколько я здесь не был? Несколько месяцев, а кажется, что целая вечность прошла. Как-то отреагирует Шабаров? Наверняка не ожидает, хотя... на то она и разведка».

В здании на Лубянке Семенов не появлялся с весны 1961 года. В тот год он ждал повышения, а вместе с ним и перевода в смежную структуру. Семенов еще помнил, как нервничал, как сильно ему хотелось получить это место и как он был уверен, что его «прокатят». Спустя год прежние переживания казались смешными.

— Ого! Глазам своим не верю! Семенов, ты?

Подполковник оглянулся, за спиной стоял Шабаров собственной персоной.

— Здравия желаю, Алексей Петрович, а я как раз к вам собирался.

— Поболтать или по делу?

— В гости, — Семенов широко улыбнулся. — Простились мы с вами как-то неправильно. На ходу, в спешке. По большому счету, расстались не прощаясь. Вот, хотел исправить положение.

— Эх когда спохватился, — Шабаров покачал головой, — еще бы следующего века дождался.

— Не получилось, Алексей Петрович, меня же сразу на новое задание перебросили. Я и недели дома не побыл после возвращения.

— Это да, при нашей службе сам себе не хозяин. Чем выше поднимаешься, тем меньше возможностей своим временем распорядиться. Теперь и тебе это состояние знакомо.

— Так что, Алексей Петрович, можно к вам? — Семенов похлопал сумку, висевшую на правом боку. Посуда внутри тихо звякнула.

— Со спиртным в здание КГБ? — у Шабарова брови вверх поползли. — Ну ты даешь, Паша. Много я от тебя видел, но чтобы такое!

— Никак нет, товарищ генерал-майор, — Семенов заулыбался еще шире. — Минеральной воды прихватил и бальзамчик в качестве гостинца.

— Ладно, деятель, пошли в гости проситься.

Шабаров прошел вперед и начал подниматься по лестнице. Пока шли до нужного этажа, Шабаров только успевал здороваться. Семенова это удивило: обычно в полдень генерал-майор уже все здание обойдет, и с подчиненными поздороуется, и начальству руку пожмет. Правда, судя по оживлению, коллеги Шабарову были весьма рады!

Семенов шел за Шабаровым и размышлял: «Хороший он мужик. И запанибрата никогда ни с кем не держится, и нос не задирает. Кто я ему? Бывший подчиненный? К тому же не самый поклядистый. Сколько раз ему приходилось от начальства за мои выкрутасы нагоняй получать. И ведь терпел, ни разу на откуп высоким чинам не отдал. Сам все вопросы разруливал».

Семенову было с чем сравнивать. Новое начальство против Шабарова проигрывало капитально. Не сказать что Семенов пришелся не ко двору в Управлении «К» (контрразведка) при ПГУ КГБ, но как-то так сложилось, что те функции, которые он по своей новой должности должен был исполнять, взял на себя его новый начальник.

Ввиду острой необходимости качественно подготовленных агентов, способных работать в экстремальных условиях, его отправили на «передовую», а кабинетную работу оставили на потом. Как сказал при первой встрече его непосредственный начальник «Родина нуждалась» в оперативном

опыте Семенова. Вот как вышло, что, будучи заместителем начальника Управления «К», Семенов больше года не появлялся в здании на Лубянке.

По большому счету, с новым назначением для Семенова ничего не изменилось. Разве что работать пришлось по большей части в одиночку да специфика заданий слегка изменилась. Теперь он должен был выявлять коварные планы агентов внешней разведки других стран, а не предотвращать их, для этой работы по-прежнему использовались агенты нелегальной разведки.

А он мечтал о переменах... Когда подавал заявление на перевод в контрразведку, тогда еще далеко не заглядывал. Повышения как такового, как статуса и должности, он не слишком жаждал, а вот готовить и подбирать кадры, разрабатывать сложные схемы для реализации разведывательных задач, ощущать, что приложил руку к предотвращению глобальной катастрофы для Родины, — от такой перспективы кровь в жилах закипала как в первый год работы в ПГУ.

Еще он мечтал о том, что рано или поздно обзаведется семьей. Жена, дети, внуки — чем не перспектива для тихой старости? После развода с женой он сомневался, что наступит время, когда он снова сможет доверять представительницам женского пола. Но время шло, душевные раны заживали и желание обрести настоящий дом, на-

дежный тыл и душевное тепло вместо пустой холостяцкой берлоги брало верх. Он понимал, что при том образе жизни, которому подчиняется командир спецподразделения при внешней разведке, ни о какой семейной жизни можно не мечтать. Перспектива получить место заместителя начальника Управления «К» давала возможность больше времени проводить в Москве, а следовательно, и больше шансов на успех в семейной жизни.

А тут еще и кандидатура будущей жены обозначилась. С Еленой Хороманцевой он познакомился при подготовке к заданию, которое для него стало крайним в работе на нелегальную разведку. Восхитительная женщина во всех отношениях: умная, эрудированная, красавица и вообще мечта любого мужчины, она сразила его наповал. Возвращаясь с задания, Семенов думал только о том, как найдет Елену и с ходу, без предисловий и хождения вокруг да около, объявит ей о далекоидущих планах. Мысль эта воодушевляла сильнее, чем удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Он и нашел. И о планах сообщил, и даже успел получить от Елены определенные гарантии того, что его планы могут увенчаться успехом. Она не была столь прямолинейна, как Семенов, но и от ворот поворот не дала. Сказала: женщины любят, чтобы их покоряли. Как горные вершины... И Семенов, в своей привычной манере, подошел к за-

даче с максимальной ответственностью. Он начал активную подготовку к «покорению» Елены.

Разработка плана «покорения» заняла неделю. А потом его отправили на очередное задание и воплощение разработанного плана отложилось. Потом следующее задание и снова задание. Реализация плана все откладывалась и откладывалась, пока не потеряла актуальность. Надо было просто действовать, быть может, тогда у них появился бы шанс...

— О чем задумался, Паша?

— Что?

Голос Шабарова донесся откуда-то издалека. Семенов вынырнул из потока мыслей, огляделся по сторонам. Шабаров стоял напротив двери в кабинет начальника Управления нелегальной разведки и с недоумением смотрел на бывшего подчиненного. Оказалось, в задумчивости Семенов прошел в конец коридора и даже не заметил этого.

— Простите, Алексей Петрович. Что-то я действительно задумался. — Семенов поспешил обратно.

— У тебя все в порядке? — в голосе Шабарова появилось беспокойство.

— Да, все нормально. Устал немного, — Семенов не стал вдаваться в подробности. — Ничего, выплыву и буду в норме. Войти пригласите?

— Если самого пригласят, — хохотнул Шабаров. — Пойдем, попросимся погостить.

— В смысле? — не понял Семенов.

— Да ты что, Семенов, с луны свалился? — удивленно протянул Шабаров. — Разве не знаешь, что здесь теперь другой хозяин?

— Другой? — пришла очередь удивляться Семенову.

На звук их голосов из кабинета выглянул сержант Орлов. Увидев, кто пришел, широко улыбнулся и в приветственном жесте распахнул дверь:

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор, товарищ подполковник! К нам?

— Здорово, Николай. Угадал. Начальство на месте? — Шабаров выдал ответную улыбку.

— Начальство? Так, значит, подполковник Старцев теперь на вашем месте? — до Семенова начал доходить смысл слов Шабарова.

— А ты не в курсе? Очень странно, — удивился Шабаров. — Через пару месяцев после твоего повышения и у нас перестановки произошли. В одной конторе служим, а информация из Америки быстрее доходит.

— Да как-то мимо прошло, Алексей Петрович. Меня и на месте-то не было, — оправдывался Семенов.

Пока Шабаров и Семенов обсуждали новости, Орлов метнулся к телефону внутренней связи. Через секунду он снова вырós на пороге.

— Проходите, Алексей Петрович. Я товарищу подполковнику уже доложил, — заявил он и отошел в сторону, освобождая проход.

Шабаров, а за ним и Семенов прошли в кабинет начальника нелегальной разведки. Подполковник Старцев встречал их у порога.

— Добрый день, Алексей Петрович, рад видеть, — он пожал руку Шабарову. — А тебя, Павел Андреевич, уже и не надеялся увидеть. Рад, весьма рад! Очень своевременно.

После дружеских рукопожатий все расселись за столом. Соблюдая субординацию, Старцев не стал занимать кресло начальника, а расположился как все, на стульях для гостей. Как-никак целый генерал-майор в кабинете подполковника. К тому же еще и в своем бывшем кабинете.

— Ну, у тебя спрашивать, как ты тут обжился, излишне? — хохотнув, проговорил Шабаров. — Вижу, и помощник твой воодушевился, да и у тебя вид вполне довольный.

— Так вы регулярно у нас бываете, Алексей Петрович, какие могут быть вопросы, — Старцев улыбнулся в ответ.

— Это я для Паши разговор завел. Представь себе, он не знал, что ты у нас теперь нелегалами командуешь. Времени ему немного даю, пусть переварит новость. А тебе, Николай, пора бы перейти на «ты». Я уже и не начальник над тобой,